

Николай Николаевич Тепляков,
кандидат психологических наук, доцент,
кафедра общей психологии и психологии развития личности,
Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,
ул. Дворянская, 2, г.Одесса, Украина

ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ В ЭСТЕТИЧЕСКОЙ И ЭТИЧЕСКОЙ СФЕРАХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТА

В статье рассматриваются теоретические и методологические проблемы феномена «обыденное сознание» личности. Анализируется научный статус феномена «обыденное сознание» в структуре других феноменов сферы сознания личности. Рассматриваются внутренние психологические процессы проявления этического и эстетического сознания личности на обыденном уровне. Обозначены критерии, на основании которых даются дефиниции феномена «обыденное сознание», анализируется связь феномена «обыденное сознание» с такими феноменами, как: ситуация, бытие, быт, повседневность, целесообразность, художественный нарратив, чувственная ткань, биодинамическая ткань и др.

Ключевые слова: субъект деятельности, сознание, обыденное сознание, повседневность, личностный смысл, целеполагание, пространство повседневности, художественный нарратив.

Постановка проблемы. Проблема сознания на современном этапе развития психологии не потеряла своей актуальности и значимости. Начиная с обозначенной в философии парадигмы «идеальное – материальное», исследование сознания рассматривалось так же и в таких парадигмальных подходах, как «осознанное – бессознательное», «вербальное – невербальное», «эмпирическое – теоретическое» и др.

Несогласованность, а порой и просто противоречивость различных подходов к проблеме сознания, очень точно была сформулирована К. Изардом: «Ученые часто говорят о сознании, не только не определяя его, но даже и не соотнося со смежными понятиями» [3, с. 73].

Появилось огромное количество литературы по оккультным наукам, спиритизму, эзотерике, магии, парапсихологии и др., в которой в наукообразной форме пытались ответить на вопросы о природе и сущности сознания. По мнению ученых, исследующих сферу сознания, смещение акцентов исследований в этой сфере в плоскость обыденного сознания есть своего рода попытка внесения ясности в такого рода противоречия. В данной статье анализируются те психологические проблемы обыденного сознания, решение которых востребовано практикой повседневной жизни субъекта на протяжении его жизненного пути.

Анализ последних публикаций. В работах последних лет по проблематике обыденного сознания [5; 6; 12; 1] исследовательский акцент смещается в сферу конфликта моральных норм и ценностей. Дифференциация таких категорий как «повседневность», «будничность», «ежедневность», «обыденность» в современной философии, социологии, психологии, психолингвистике привело к необходимости переосмысления событий истории и рассмотрения обыден-

ного сознания участников этих исторических событий с позиций феномена повседневности.

Характерной чертой современных научных знаний по проблеме обыденного сознания стала его демократизация и установление равноправных партнерских отношений между человеком и внешней природой, его бытийным пространством. С. А. Белоусова особый акцент при исследовании обыденного сознания делала на его иллюзорности. В рамках этого вектора исследований делался своеобразный научный прогноз относительно того, что в недалеком будущем феномен «обыденное сознание» займет достойное место наряду с проблемами экономических катастроф, национальных конфликтов, демографических бедствий и другими глобальными мировыми проблемами. В современной психологической литературе предлагаются такие специфические критерии анализа обыденного сознания, как: «целенаправленность – стихийность», «примитивность – научность», «активность – пассивность», «истинность – ложность» и др.

Несмотря на то, что обыденное сознание является самым простым уровнем отражения в повседневной практике человека, оно представлено в субъективной картине мира личности в определенной системе, позволяющей говорить об избирательности (конструировании) личностью своего бытийного пространства.

В современной отечественной (А. А. Бодалев, В. С. Агеев, Г. М. Андреева) и зарубежной (Ф. Хайдер, Э.Джонс, К. Дейвис, Г. Келли, Дж. Келли, Д. Бем, М. Лернер, Е. Уолстер, Дж. Брунер) психологии в обыденном сознании выделяют свою специфическую логику и историю. В настоящее время активно и продуктивно изучается близкий обыденному сознанию феномен менталитета [259; 328]. Анализ востребованности, актуальности проблемы «обыденное сознание» в психологической науке позволил выделить два уровня детерминант: субъективный и объективный.

В современных исследованиях обыденного сознания анализу подвергается не только сам феномен «обыденное сознание», но и те обстоятельства, в которых оно формируется, развивается и трансформируется – так называемая ситуационная составляющая. В исследованиях А. Ф. Бурлачука ситуационная компонента рассматривается в широком и в узком смысле.

Такие качественные характеристики, как: незавершенность, индивидуальность, непредсказуемость, автономность, хаотичность и др. в исследовательской практике ученых описывали роль ситуативного поведения в представленной в обыденном сознании субъекта «образа мира». В исследованиях Ю. М. Швалба «образ мира» дифференцируется на Бытие и Быт.

Цели статьи: показать роль обыденного сознания в структуре общих подходов к исследованию сферы сознания как таковой; проанализировать предложенные в отечественной и зарубежной психологии теории и подходы к природе и сущности обыденного сознания личности; проанализировать исследования этической и эстетической сфер на уровне обыденного сознания личности; определить специфические особенности понимания конфликтных процессов в структуре обыденного сознания у зарубежных и отечественных исследователей.

Изложение основного материала исследования. В семидесятые годы прошлого столетия сущность обыденного сознания рассматривалась такими исследователями, как Б. А. Грушин, В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон, Т. А. Кузьмина, Т. И. Ойзерман, В. П. Тугаринова, А. К. Уледов, И. А. Чудинов, В. А. Штоф и др. Она противопоставлялась научному сознанию, задавая тем самым жесткую исследовательскую парадигму «обыденное сознание – научное сознание». В рамках такой парадигмы обыденное сознание наделялось такими характеристиками и оценками, как: ложность, ограниченность, негативность, наивность, антагонистичность, иллюзорность, мифологичность, практичность, жизненность и др.

Практика здравого смысла как стержневая характеристика обыденного сознания разворачивала исследовательскую деятельность ученых в сторону психологии, в рамках которой как отечественные, так и зарубежные ученые пытаются понять сущность феномена «сознание» как такового, познавательной функции окружающего мира субъекта и вообще всей духовной сферы человека.

Эстетическая, этическая, политическая, этническая, экономическая, практическая и др. сферы человеческой деятельности стали рассматриваться и изучаться не в абстрактных, идеальных формах научных парадигм, а на уровне повседневной жизни рядового человека, т.е. на уровне обыденного сознания. Дело дошло до того, что обыденному сознанию пытались придать самостоятельный научный статус, со своей структурой, историей, законами существования и формирования.

В качестве своеобразной итоговой составляющей философского уровня анализа обыденного сознания была предложена дифференциация форм общественного сознания на два уровня: обыденное (повседневное) сознание и теоретическое сознание. Принципиальным отличием обыденного сознания от теоретического выступило то, что в последнем, наряду с описанием общественной жизни, общественного бытия, исследуются еще и те причины, детерминанты, законы, по которым они сформировались и существуют. На уровне же обыденного сознания речь идет о поверхностном первичном понимании и конструировании окружающего мира, о глубине отражения в обыденном сознании общественной жизни, где причины и детерминирующие факторы выпадают из поля субъекта, выносятся за скобки.

Популярность обыденного сознания как у нас в стране, так и за ее пределами в некоторых сферах общественного сознания привела к неожиданным трансформациям этих сфер. Общественное сознание трансформировалось в такие формы, как параполитика, квазимораль, попарт, квазирелигия, квазинаука. Дело дошло до того, что фанаты обыденного сознания и критики классической и современной науки стали наделять его всеми правами и статусом науки, подчеркивая при этом тот факт, что обыденному сознанию присущи «более высокие идеалы и формы познания».

Составными частями обыденного сознания с позиций психологии выступают потребности, интересы, системы ценностей и установок. Важнейшим элементом также являются построенные на основе определенной системы ценностей стереотипные представления, нормы, образцы поведения, обычаи и традиции. Наконец, существенным элементом обыденного сознания являются эмоциональные элементы – сложная гамма чувств, настроений, особенностей темперамента, эмоционально-волевых устремлений и детерминированных ими форм выражения в образах, звуках, красках, совокупность которых составляет то национально-особое в повседневной жизни, что обычно связывается с национальным характером.

Э. В. Ильенков, характеризуя принципиальные отличия теоретического сознания от обыденного, обращает внимание на феномен противоречий, с которыми сталкивается субъект между абстрактно-верной истиной и конкретной полнотой жизни. Решение подобных противоречий осуществляется, как правило, за счет жертвования субъектом либо научными истинами ради «правды жизни», либо пренебрежения сложностью и противоречивостью обыденной, повседневной жизни в угоду заученным схемам и догмам научного плана. «Воспитание догматика, – пишет Э. В. Ильенков, – заключается в том, что ему предлагают для зазубривания горы готовых истин – формул, законов, правил и алгоритмов – и одновременно приучают смотреть на окружающий мир как на огромный резервуар примеров, эти истины подтверждающих. Он и привыкает замечать вокруг себя только такие

факты, которые иллюстрируют правильность школьных прописей, а на остальные – не обращать внимания как на нечто несущественное, от чего нужно абстрагироваться, чтобы получить «чистую истину». И прежде всего – от противоречий. «Чистые» истины, а именно так Э. В. Ильенков называет жизненные (обыденные) знания, образуются в результате умного разрешения остро обозначенных в жизни противоречий, которое выступает в форме обыденного сознания» [4, с. 471]. В этом контексте делается вывод о том, что для конкретного субъекта окружающая реальность предстает в двух системах понятий – системы научных понятий и системы житейских, обыденных понятий. «Два мира, – пишет Э. В. Ильенков, – между которыми нет моста, нет перехода. Он не знает и не ведает, каким образом один мир «превращается» в другой, каким образом из гуши жизни, из брожения «вещей в себе» образуются чистые кристаллы знания, и какого труда это людям стоит» [4, с. 471].

Если продолжить конфликтную составляющую обозначенных Э. В. Ильенковым противоречий, то активность человека как субъекта в окружающем социуме предполагает постоянный конфликт моральных норм и ценностей, представленных в обыденном сознании личности. Конфликт разворачивается в контексте жизненной ситуации, где нормативная форма этического поведения (морального поступка) встречает препятствие с субъективно значимой нравственной нормой, представленной на уровне обыденного сознания субъекта. Данная позиция нашла свое подтверждение в исследованиях В. В. Знакова [1], А. В. Зосимовского [2], С. К. Нартова-Бочавер [5] и др.

И, если в исторической и лингвистической науках особого внимания дефиниции феномена «обыденное сознание» не уделяли, ограничиваясь только перечнем исследовательских возможностей, то в философии, психологии, социологии и ряде других наук эта проблема дефиниции входила в перечень центральных проблем.

В качестве основы понимания природы и сущности обыденного сознания, а следовательно и дефиниции обыденного сознания брались различные критерии: по месту, которое занимает обыденное сознание в системе других форм и разновидностей сознания и духовных сфер общества; по функциональному критерию; по месту в общей структуре духовной сферы общества; по критерию «примитивность – научность»; по критерию «целенаправленность – стихийность»; по критерию «системность – бессистемность»; по критерию «истинность – ошибочность» и др.

Если в ряде гуманитарных наук феномен «обыденное сознание» анализируется и трактуется как одно из структурных образований общественной жизни, общественного сознания, то в психологии актуальность исследования феномена «обыденное сознание» имеет свою специфическую логику и историю.

Сформировавшийся в отечественной философии и психологии субъектоцентричный подход (С. Л. Ру-

бинштейн, А. В. Брушлинский, К. А. Абульханова и др.) к исследованию обыденного сознания вывел феномен «здоровый смысл» на приоритетные позиции, потеснив на этом пьедестале когнитивную составляющую знания о бытийном пространстве субъекта. Объективная основа здравого смысла формируется как результирующая повседневной жизнедеятельности в непосредственной жизненной практике субъекта, где жизненные стереотипы, ценностные ориентации, нравственные нормы, эстетические приоритеты, политические и экономические позиции выступают своеобразными детерминантами различных сфер деятельности субъекта. В связи с этим, возникла необходимость в более глубоком исследовании таких узловых категорий и феноменов, как жизненное пространство, смысл жизни, жизненная перспектива, жизненные ценности, жизненный путь, временная перспектива, обыденное сознание и др.

В зарубежной психологии наибольший интерес к проблеме обыденного сознания представляют исследования представителей школы С. Москвичи [10].

Сложившиеся в классической психологии методологические принципы и парадигмы стали претерпевать коррекции и даже кардинальные изменения не только по субъективным факторам научных позиций того или иного ученого, а и по объективным причинам. Так, Л. С. Выготский в свое время в своих работах по построению новой психологии настаивал на смене приоритетов между академической и прикладной (как ее еще называли полуточной) психологиями в пользу последней. Высокомерное отношение академической психологии по отношению к прикладной психологии совершенно неоправданно заводило в тень, выводило из сферы внимания психологов ту практику реальной жизни обыденного человека, в которой происходило его формирование, развитие как личности, как активного субъекта процесса жизнедеятельности.

Если Л. С. Выготский обозначил общие векторы прогрессивного становления психологической науки, то на современном этапе развития психологии эти идеи приобретают более четкие и ясные контуры тех проблем, которые необходимо решать для исследования человека как субъекта деятельности, как конструктора своего бытийного пространства, как активно ваятеля себя, как активного архитектора своей повседневной обыденной жизни, своего жизненного пространства, своей жизненной перспективы. Именно поэтому такие категории, как «жизнь», «бытие человека», «быт человека», «жизненное пространство человека», «обыденное сознание», «жизненный путь», «жизненный стиль», «жизнетворчество», «временная перспектива», «психологическое пространство» по К. Левину и др. становятся центральными в арсенале психологического тезауруса психологов, обозначающими новые позиции и подходы к глобальной проблеме «человек – бытие», «человек и его бытийное пространство», «мир в человеке и человек в мире».

В работах В. П. Зинченко проблема обыденного сознания получила новое дыхание; обозначились новые ракурсы ее исследования. Так, отталкиваясь от тезиса Л. Фейербаха о двух сознаниях, сознания для сознания и сознания для бытия, ученый отмечает: «Можно предположить: это не два сознания, а единое сознание, в котором существуют два основных слоя: бытийный и рефлексивный» [7, с. 17].

Обозначенная двуслойность сознания должна включать в себя, по убеждению В. П. Зинченко, кроме чувственной ткани, еще и биодинамическую ткань. Именно последняя образует бытийный слой, где формируются движения и действия. Для нашего исследования очень показательным является подход В. П. Зинченко к объяснению процессов взаимной трансформации значений и смыслов, обуславливающих, по большому счету, эффективность взаимопонимания между субъектами деятельности. Процесс обозначения смыслов и осмысления значений «...составляет самое существо диалога, выступает средством, обеспечивающим взаимопонимание» [7, с. 18].

Очень важным моментом в понимании сознания (а по сути речь идет об обыденном сознании) является личностная составляющая сознания, поскольку ошибочно понимать сознание как определенную сумму знания, усвоенную субъектом. Сознание – это процесс реализации субъектом мысли, выстраивания своего способа бытия, т.е. это, грубо говоря, процесс реализации системы знаний субъекта в его бытие, в его повседневной жизни здесь и теперь.

Реализация обыденного сознания субъекта и его побуждающие детерминанты немислимы без конкретных жизненных ситуаций, которые могут иметь как минимум два уровня: широкий и узкий. Так А. Ф. Булчук, рассматривая ситуацию в широком смысле, предлагает трактовать ее как «...общую ситуацию жизни человека, как жизненное положение субъекта. Ситуация в узком смысле характеризует конкретные события жизни субъекта» [6, с. 8]. Более глубокое понимание проблемы ситуативности предложил Ю. М. Швалб, обозначив в этом подходе такие категории, как «Бытие» и «Быт». Он отмечает: «Следя устоявшейся философской традиции, процессуальный слой жизни можно определить как слой Бытия, а социально-деятельный – как слой Быта, обыденности и повседневности» [12].

В психологическом пространстве субъекта предметы и объекты, имеющие для него определенную обозначенность через слово, знак, в обыденном сознании субъекта получают определенную эмоциональную, аффективную окрашенность (приобретают субъективный личностный смысл в терминологии А. Н. Леонтьева). И уже в этой форме личностных смыслов организуют Быт субъекта, т.е. достижение его целей, актуальных жизненных задач, эмоциональных переживаний и т.п.

Реалии Быта как процессуальный аспект включают субъекта в такие жизненные ситуации, которые

порой могут вступать в конфликт (т.е. нести в себе противоречие) со сложившейся на уровне обыденного сознания субъекта системой личностных смыслов. И, поскольку Бытовая основа чаще всего оказывается более убедительная, более аргументированная реалиями жизни, личностные смыслы начинают изменяться в своем содержательном плане (трансформироваться), создавая определенный прецедент для корректировки в Бытие субъекта смысловых образований. И здесь большая роль отводится феномену целесообразности, который и выступает тем путеводителем по лабиринтам жизненного бытия субъекта, в которые его завела ситуация [13].

В исследованиях зарубежных психологов проблема обыденного сознания в сфере этики и эстетики была сформулирована в плоскости феномена «повседневность», где последняя рассматривает жизнь «...как пространственно-временной континуум, наполненный вещами и событиями» [8, с. 47].

Повседневность не только констатируют и изучают, но и конструируют, моделируют. Об этом очень детально писал Ю. М. Лотман, отмечая тот фундаментальный факт, что поведение человека в быту уподобляется поведению литературного или сценического персонажа, как это имело место в культуре Романтизма. Такое обращение к искусству как программирующей субстанции повседневности (обыденной жизни) субъекта создает благоприятные условия для возвышения своего собственного статуса в обыденном сознании субъекта, осознание своей самодостаточности, целеустремленности [9].

В контексте нашего исследования особый интерес для нас представляют исследования, посвященные восприятию художественной литературы на уровне обыденного сознания субъекта. В одной из своих работ Дж. Кавелли [14] отмечает, что популярный художник творит по формуле, как он их называет, художественные нарративы, напоминающие ритуалы, художественные традиции, культурологические стереотипы. В таком нарративном подходе на уровне обыденного сознания воспринимается, оценивается и вызывает эстетическую реакцию исключительно содержательная составляющая, т.е. сюжетная линия повествования, а фабульная (если говорить языком Л. В. Выготского) изначально выводится из поля восприятия читателя. В своей работе мы как раз и пытаемся исследовать характер изменений личностных смыслов эстетической и этической сфер обыденного сознания субъекта при восприятии им малых форм художественной прозы. И не смотря на то, что формулы, по которым художники строят свои литературные шедевры, существенно облегчают восприятие этих произведений на уровне обыденного сознания, творческие представители литературного цеха пытаются выйти за рамки этих формул, стремятся найти свой, неповторимый творческий стиль, который бы в корне отличал его произведение искусства от собратьев по перу. Именно к такому типу художников и принадлежал

И. Бунин, новеллу которого «Легкое дыхание» мы выбрали для нашего исследования.

В нашем исследовании [11], посвященном этическим и эстетическим сферам обыденного сознания личности, были зафиксированы подобного рода изменения, конфликты на уровне личностных смыслов этических и эстетических категорий и феномен целесообразности при разрешении этих конфликтов. При исследовании трансформационных процессов эстетического и этического сознания под воздействием диспозиционного и композиционного вариантов новеллы И. Бунина «Легкое дыхание» было показано, что трансформационные процессы в этической и эстетической сферах обыденного сознания субъекта протекают на семантическом уровне, т.е. приводят к изменениям семантической составляющей личностных смыслов субъекта.

Выводы. На всем протяжении исследования сознания в рамках философии и психологии ученые так и не пришли к единому пониманию феномена сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Знаков В. В. Понимание субъектом правды о моральном проступке другого человека. Нормативная этика и психология нравственного сознания / В. В. Знаков // Психологический журнал. – Т. 14. № 1. – 1993. – С. 32-42.
2. Зосимовский А. В. Критерий моральной воспитанности / А. В. Зосимовский // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. – 1998. – № 2. – С. 67-73.
3. Изард К. Психология эмоций / К. Изард. – СПб. : Питер, 1999. – 304с.
4. Ильенков Э. В. Учиться мыслить! / Э. В. Ильенков, Н. В. Солнцев // Русская философия: Имена. Учения. Тексты. – М., 2001. – 463 с.
5. Нартова-Бочавер С. К. Два типа нравственной самоактуализации личности / С. К. Нартова-Бочавер // Психологический журнал, 1993. – № 4. – С. 15-23.
6. Бурлачук Л. Ф., Михайлова Н. Б. К психологической теории ситуации / Л. Ф. Бурлачук, Н. Б. Михайлова // Психологический журнал. – 2002. № 1. – С. 5-9.
7. Зинченко В. П. Миры сознания и структура сознания / В. П. Зинченко // Вопросы психологии. – М., 1991. – № 2. – С. 15-36.
8. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре / В. Д. Лелеко. – СПб. : Питер, 2002. – 320 с.

REFERENCES

1. Znakov, V. V. (1993). Ponimaniye subyektom pravdy o moralnom prostupke drugogo cheloveka. Normativnaya etika i psikhologiya npravstvennogo soznaniya [Person's understanding of the truth about the moral misconduct of another person. Normative ethics and psychology of moral consciousness]. *Psikhologicheskiy zhurnal – Psychological journal*, 1, 32-42 (Vols. 1) [in Russian].
2. Zosimovskiy, A. V. (1998). Kriteriy moralnoy vospitannosti [Criterion of moral educatedness]. *Vestnik*

Смещение акцентов исследовательских программ сознания с теоретических векторов в плоскость практических векторов повседневной жизни субъекта обозначили новый предмет исследования «обыденное сознание». Это позволило отодвинуть абстрактные научные парадигмы на второй план, выдвинув в передние ряды научных исследований повседневную практику жизнедеятельности обычного человека как творца своего жизненного пространства. Формирование и развитие обыденного сознания личности детерминировано наличием череды противоречий, которые возникают в повседневной жизни субъекта, и которые он вынужден решать, исходя из собственной целесообразности и здравого смысла. Исследования обыденного сознания личности в таких сферах как политика, этнография, экология, религия и др., позволят в перспективе выявить специфические особенности его функционирования, развития и трансформации, а значит, и управлять массовым сознанием в заданных семантических или парадигмальных границах.

9. Лотман Ю. М. Семиосфера : Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968–1992) / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство, 2000. – 704 с.
10. Москвичов Л. Н. Теория деидеологизации : основные тенденции и направления / Л. Н. Москвичов. – М. : Политиздат, 1971. – 270 с.
11. Тепляков Н. Н. Психосемантический анализ трансформации сфер сознания личности (этика, эстетика, политика) / Н. Н. Тепляков. – Одесса: Издатель Н. П. Черкасов, 2010. – 349 с.
12. Швалб Ю. М. Психологическая организация пространства жизни личности : логос быта / Ю. М. Швалб // Актуальні проблеми психології : Зб. наук. праць Інституту психології імені Г. С. Костюка НАПН України. – Житомир : «Вид-во ЖДУ ім. І. Франка», 2012. – Т.11. Екологічна психологія. – Вип. 29. – С. 478-485.
13. Швалб Ю. М. Целеполагающее сознание (психологические модели и исследования) / Ю. М. Швалб. – К. : Миллениум, 2003. – 152 с.
14. Cawelty J. G. The Concept of Formula in the Study of Popular Literature // J. G. Cawelty // *Popular Culture and the Expanding Consciousness*. – New York, 1973.

MGU. Seriya 14. Psikhologiya – Bulletin of MGU. Series 14. Psychology, 2, 67-73 [in Russian].

3. Izard, K. (1999). *Psikhologiya emotsiy [Psychology of emotions]*. St. Petersburg: Piter [in Russian].
4. Ilyenkov, E. V., & Solntsev, N. V. (2001). *Uchitsya myslit! [To learn to think!]*. *Russkaya filosofiya: Imena. Ucheniya. Teksty – Russian philosophy: Names. Theory. Texts*. Moscow [in Russian].
5. Nartova-Bochaver, S. K. (1993). Dva tipa npravstvennoy samoaktualizatsii lichnosti [Two types of

moral self-actualization of a personality]. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological journal*, 4, 15-23 [in Russian].

6. Burlachuk L. F., & Mikhaylova, N. B. (2002). K psikhologicheskoy teorii situatsii [To the psychological theory of situations]. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological journal*, 1, 5-9 [in Russian].

7. Zinchenko, V. P. (1991). Miry soznaniya i struktura soznaniya [Worlds of consciousness and structure of consciousness]. *Voprosy psikhologii – Issues of psychology*, 2, 15-36 [in Russian].

8. Leleko, V. D. (2002). *Prostranstvo povsednevnosti v yevropeyskoy kulture [The space of everyday life in European culture]*. St. Petersburg: Piter [in Russian].

9. Lotman, Yu. M. (2000). *Semiosfera: Kultura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov. Statyi. Issledovaniya. Zametki [Semiosphere: Culture and explosion. Inside the thinking worlds. Articles. Researches. Notes]*. St. Petersburg: Iskusstvo [in Russian].

10. Moskvichov, L. N. (1971). *Teoriya deideologizatsii: osnovnye tendentsii i napravleniya [The theory of deideologization: main tendencies and trends]*. Moscow: Politizdat [in Russian].

11. Teplyakov, N. N. (2010). *Psikhosemanticheskii analiz transformatsii sfer soznaniya lichnosti (etika, estetika, politika) [Psychosemantic analysis of the transformation of the spheres of consciousness of an individual (ethics, aesthetics, politics)]*. Odesa: Izdatel N. P. Cherkasov [in Russian].

12. Shvalb, Yu. M. (2012). *Psikhologicheskaya organizatsiya prostranstva zhizni lichnosti: logos byta [Psychological organization of space of a person's life: the logos of life]. Aktualni problemy psikhologii: Zbirnyk naukovykh prats Instytutu psikhologii imeni H. S. Kostiuka – Topical issues of psychology: Collection of scientific papers of the H. S. Kostiuk Institute of Psychology*. (Vols. 11). (pp. 478-485). Issue 29. Zhytomyr: «Vyd-vo ZhDU im. I. Franka» [in Russian].

13. Shvalb Yu. M. (2003). *Tselepolagayushee soznanie (psikhologicheskie modeli i issledovaniya) [Purposeful consciousness (psychological models and research)]*. Kyiv: «Millenium» [in Russian].

14. Cawelty, J. G. (1973). *The Concept of Formula in the Study of Popular Literature. Popular Culture and the Expanding Consciousness*. New York [in English].

Микола Миколайович Тепляков

кандидат психологічних наук, доцент,

кафедра загальної психології та психології розвитку особистості,

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,

вул. Дворянська, 2, м. Одеса, Україна

БУДЕННА СВІДОМІСТЬ В ЕСТЕТИЧНІЙ ТА ЕТИЧНІЙ СФЕРАХ ЖИТТЄДІЯЛЬНОСТІ СУБ'ЄКТА

Дослідження проблеми буденної свідомості в психології стало дуже актуальним і значущим. Поряд із класичними парадигмами розгляду феномена «буденна свідомість» з'явилися нові парадигми: «усвідомлене – не-свідоме», «вербальне – невербальне», «емпіричне – теоретичне» та ін. У рамках парадигми «наукова свідомість – буденна свідомість» актуалізувалися такі оцінки та характеристики буденної свідомості, як: хибність, обмеженість, негативність, наївність, антагоністичність, ілюзорність, міфологічність, практичність, життєвість та інші. Зсув дослідних векторів із абстрактних, ідеальних форм у площину повсякденного життя пересічної людини, на рівень буденної свідомості позначається новими векторами вивчення естетичної, етичної, політичної, етнічної, економічної, практичної та інших сфер людської діяльності. Складовими частинами буденної свідомості з позицій психології виступають потреби, інтереси, системи цінностей і установок, норми та зразки поведінки, звичаї та традиції. Порівняння теоретичної та буденної свідомості призвело до специфічного протиріччя між абстрактно-вірною істиною та конкретно повнотою життя, між системами наукових понять і системами життєвих, повсякденних понять. Протиріччя стало конфліктом, що розгортається на рівні моральних норм і цінностей, представлених у повсякденній свідомості особистості. Визначення буденної свідомості у формі дефініції вийшло за рамки переліку її якісних характеристик і оцінок і змістилося в площину таких критеріїв, як: «примітивність – науковість»; «цілеспрямованість – стихійність»; «системність – безсистемність»; «істинність – помилковість». Змінилися пріоритети між академічною та прикладною психологією на користь останньої. Людина стала розглядатися як суб'єкт діяльності, як активний архітектор свого «Я», свого звичайного повсякденного життя, свого життєвого простору та життєвої перспективи. Цілісна свідомість людини стала диференціюватися на свідомість для самої свідомості та свідомість для буття. Для останньої основною складовою виступала особистісна складова свідомості. Реалізація останньої здійснювалася в просторі життєвих ситуацій, які виступали у двох формах: у формі побуту та у формі буття. В основі диференціації суб'єктом рівнів побуту та буття було покладено феномен «доцільності». У рамках завдань дослідження особливий інтерес становлять дослідження буденної свідомості суб'єкта щодо його сприйняття художньої літератури. Художні наративи як формула творчості популярних художників, в основному, базуються на змістовній складовій, виводячи фабульну складову за дужки. У наших роботах досліджується саме фабульна складова впливу художнього твору малої форми, а саме новела І. Буніна «Легке дихання». Результати дослідження показали, що трансформаційні проце-

си в етичній і естетичній сферах повсякденної свідомості суб'єкта протікають на семантичному рівні, тобто призводять до змін семантичної складової особистісних смислів суб'єкта.

Ключові слова: суб'єкт діяльності, свідомість, буденна свідомість, повсякденність, особистісний сенс, цілепокладання, простір повсякденності, художній нарратив.

Mykola Tepliakov,

*PhD (Candidate of Psychological Sciences), associate professor,
Department of General Psychology and Psychology of Personality Development,
Odessa I. I. Mechnikov National University,
2, Dvorianska Str., Odesa, Ukraine*

EVERYDAY CONSCIOUSNESS IN AESTHETIC AND ETHICAL SPHERES OF INDIVIDUAL'S LIFE

The investigation of everyday consciousness in psychology has become a very urgent and important issue. Along with classical paradigms considering the phenomenon of everyday consciousness new paradigms have emerged, such as: "conscious – unconscious", "verbal and non-verbal", "empirical – theoretical" and others. Within the paradigm of "scientific consciousness – everyday consciousness" such evaluations and everyday consciousness characteristics, as falseness, limitation, negativity, naivety, antagonistic character, illusiveness, mythological character, practicality, viability, and others were updated. The shift of research vectors from abstract, ideal forms to everyday life of ordinary people, to the level of everyday consciousness outlined new vectors, which explore aesthetic, ethical, political, ethnic, economic, practical, and other spheres of human activity. The components of everyday consciousness from the standpoint of psychology are the needs, interests, systems of values and attitudes, norms and behavior patterns, customs and traditions. The comparing of theoretical and everyday consciousness has led to the specific contradiction between abstractly correct truth and certain abundance of life, between the systems of scientific concepts and everyday and commonplace ones. The controversy has become a conflict, which takes place at the level of moral norms and values represented in the everyday consciousness of an individual. Definition of everyday consciousness went beyond the list of its qualitative characteristics and evaluations and shifted to the plane of such criteria as "primitivity – scientific character"; "purposefulness – spontaneity"; "consistency – lack of consistency"; "validity – falseness". The priority between academic and applied psychology has changed in favor of the latter. An individual came to be considered as the subject of activity, as an active sculptor and architect of himself/herself, of his/her daily and ordinary life, his/her living space and life prospects. The integrated human consciousness was divided into the consciousness for the consciousness itself and consciousness for being. For the latter, the personal component of consciousness was the main element. Implementation of the latter was carried out in the space of life situations, which appeared in two forms: in the form of household and in the form of existence. The basis of differentiation of the levels of household and existence by an individual has become the phenomenon of "reasonability". As a part of the tasks of the research, the investigation of everyday consciousness of an individual in terms of his/her perception of belles-lettres is of special interest. Art narratives as the formula of popular artists' creativity are mainly based on the content component. Exactly the fable component of the impact of an artwork of a small form, namely the novel by I. Bunin "Light breath" has been investigated. The results of the study have shown that the transformation processes in the ethical and aesthetic spheres of everyday consciousness of an individual go on at the semantic level, i.e. lead to changes in the semantic component of personal meanings of an individual.

Keywords: the subject of activity, consciousness, everyday consciousness, everyday life, personal meaning, purposefulness, the space of everyday life, art narrative.

Рецензент: доктор психологічних наук, професор Т. П. Вісковатова

Подано до редакції 10.06.2015